
ИСТОРИЯ ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЛИТЕРАТУРА XVII–XVIII вв.

Русская литература

УДК 821.161.1

DOI: 10.31249/lit/2024.01.05

ОСОКИН М.Ю.¹ К БИОГРАФИИ ЛОМОНОСОВА. КТО БЫЛ «ХРИСТОФОР ЗУБНИЦКИЙ»?©

Аннотация. В статье сделана попытка обосновать принадлежность трех памфлетных писем Христофора Зубницкого и «Им-на пьяной голове» В.К. Тредиаковскому. М.В. Ломоносов был уверен в его авторстве, и его по умолчанию признавали историки литературы XIX в. Распространившаяся в XX в. и до сих пор удерживающаяся в обороте гипотеза, отводившая авторство Тредиаковского и спровоцировавшая поиски авторов в Святейшем синоде, как показано, несостоятельна и основана на сфальсифицированных данных. В письме Зубницкого к Ломоносову различие бород раскольников и бород духовных лиц аргументируется с недоступной членам Синода иезуитской изощренностью: образчики такой герменевтики Тредиаковский оставил в «Письме от приятеля к приятелю» (рассуждение о предней и задней вечности) и в навете Синоду о сумароковском переложении 106-го псалма (рассуждение о потенциальной и действительной множественности миров). Усиление православной цензуры, сказавшееся в 1756–1757 гг. на изданиях новооснованного Московского университета и журнале «Ежемесячные сочинения», было прямым следствием доноса Тредиаковского. «Гимн бороде» – пасквиль Ломоносова на

---

¹ **Осокин Михаил Юрьевич** – кандидат филологических наук, независимый исследователь, Саттахип (Таиланд); mike.osokin@gmail.com

© Осокин М.Ю., 2024

членов Синода, которые по подсказке Тредиаковского начали цензурировать светские книги о множестве миров: архиепископа Сильвестра (Симеон Кулябка), епископа Рязанского Дмитрия (Даниил Сеченов), архимандрита Донского монастыря Варлаама (Василий Лящевский) и архимандрита Свято-Троицкой лавры Афанасия (Петр Вольховский). «Гимн» задевал не только по этим четырем «бородам», но и по Тредиаковскому, поэтому он вступает в полемику и пишет пасквили под именем Зубницкого, «Имн пьяной голове» и другие «имны». Среди ненапечатанных рукописей Тредиаковского, список которых будет приложен к посмертно опубликованной трагедии «Деидамия», значились «Имны, в защите духовных лиц». «Имн пьяной голове» считался набором рифмованных ругательств, но помимо них содержит сложную иконографию Бахуса, упоминания взятого Ломоносовым в 1756 г. «годового оклада» (совершенно «корпоративное», не уводящее поиски автора дальше Академии), расходов казны на мозаику и другие детали, настолько же далекие от духовной коллегии, насколько и от фантомного «колмогорца», которому приписаны памфлеты, а также специфичное для Тредиаковского употребление слова «мозаика» в мужском роде.

Ключевые слова: В.К. Тредиаковский; М.В. Ломоносов; православная цензура; литературная полемика 1750-х годов.

Для цитирования: Осокин М.Ю. К биографии Ломоносова. Кто был «Христофор Зубницкий»? // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2024. – № 1. – С. 77–114. – DOI: 10.31249/lit/2024.01.05

OSOKIN M.Yu¹. To Lomonosov's biography. Who was "Christopher Zubnitsky"?©

Abstract. The article proves that three pamphleteering *Letters by Christopher Zubnitsky* and *The Hymn to the Drunk Head* were written by V. Trediakovsky. M. Lomonosov and all literary historians in the nineteenth century were convinced in his authorship. The hypothesis that emerged in the twentieth century, which provoked the search for

---

¹ **Osokin Mikhail Yurievich** – Candidate in Philology, independent scholar, Sattahip (Thailand); mike.osokin@gmail.com

© Osokin M.Yu., 2024

alternative authors within The Most Holy Governing Synod, as shown, is untenable and based on falsified data. In Zubnitsky's letter to Lomonosov the distinction between the beards of old ritualists and the beards of clerics is substantiated with Jesuit sophistication that was beyond the capacity of The Synod's members. Trediakovsky left examples of such hermeneutics in his *Letter from Friend to Friend* (discourse on pre- and post-eternity) and in his denunciation to The Synod on Sumarokov's Psalm 106 in 1755 (discourse on the potential and actual plurality of worlds). The Orthodox censorship of the publications of the newly founded Moscow University and the magazine "*Ezhemesyachnye Sochinenia*" ("*Monthly Works*") in 1756–1757 resulted directly from Trediakovsky's denunciation. *Hymn to the Beard* is Lomonosov's response to the members of the Synod, who began censoring secular books at the prompting of Trediakovsky: Archbishop Sylvester (Simeon Kulyabka), Metropolitan Dimitri (Daniil Sechenov), Archimandrite Varlaam (Vasily Lyashevsky) and Archimandrite Athanasius (Peter Volkhovsky). *Hymn to the Beard* not only targeted these four "beards", but also on Trediakovsky himself. Thus, he entered into polemics on this matter and wrote pamphlets under the name of Zubnitsky, *Hymn to The Drunken Head* and other "hymns". In the posthumously published tragedy *Deidamia*, there was an appendix containing a list of Trediakovsky's manuscripts, including *Hymns, in defense of clerics*. *Hymn to The Drunken Head* was considered a rhymed invective, but it also contained a complex iconography of Bacchus, references to Lomonosov's "annual salary" in 1756 (the reference is entirely "corporate", does not extend the search for the author beyond the Academy), calculations of the treasury's expenses for a mosaic and other details that neither the "Kholmogorets", the enigmatic author of "Hymn", nor any members of The Synod could have known. Additionally, in *Hymn to The Drunken Head* Trediakovsky's use of 'mosaic' in the masculine gender instead of feminine, which was a distinct feature unique to him. Lomonosov recognized Trediakovsky as Zubnitsky because he had not hidden and had left enough signs in these texts.

Keywords: V. Trediakovsky; M. Lomonosov; Orthodox censorship; literary polemics of the 1750 s.

To cite this article: Osokin, Mikhail Yu. "To Lomonosov's biography. Who was 'Christopher Zubnitsky'?", *Social sciences and humanities*. Domes-

tic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 1, 2024, pp. 77–114. DOI: 10.31249/lit/2024.01.05 (In Russian)

М.В. Ломоносов считал В.К. Тредиаковского автором памфлетных писем, подписанных именем Христофора Зубницкого и датированных июлем 1757 г. К одному из них прилагались стихи «Передетая борода, или Имн пьяной голове», издевательски предлагавшиеся для напечатания в академическом журнале «Ежемесячные сочинения». Вслед за Ломоносовым так же думали А.Н. Афанасьев, П.П. Пекарский, Н.И. Петров, М.И. Сухомлинов, С.П. Шевырѐв и другие историки литературы XIX в., занимавшиеся изучением полемик: «Давняя ненависть Тредьяковского к Ломоносову дала обильную пищу в обвинении, взводимом со стороны духовенства, и Тредьяковский, под псевдонимом Зубницкаго, излил свою желчь в пространном письме к Ломоносову, писанном будто бы из Холмогор» [Сухомлинов, 1893, т. 2, с. 168].

Так было до 1911 г., пока не появилась статья В.Н. Перетца «К биографии Ломоносова: кто был “Христофор Зубницкий”?». Перетц указал, что в киевском списке «Гимн бороде» значится как сатира на архиепископа Сильвестра (Симеона Кулябку), и заметил ряд сближений текста письма I Зубницкого с «всепопданнейшим докладом» Святейшего правительствующего синода «Об уничтожении чрез палача пасквильных стихов, под названием “Гимн бороде”», первым из четырех авторов которого значился Сильвестр. Это дало основание заподозрить в авторстве писем его; «Имн» Перетц приписать ему не решился, поскольку из текстов Сильвестра известны только прозаические проповеди, и он предположил, что стихи сочинил его «бойкий секретарь» [Перетц, 1911, с. 103].

В 1936 г. выводы Перетца поддержал П.Н. Берков, но отверг кандидатуру секретаря [Берков, 1936, с. 219], заключив, что автор писем и «Имна» – одно лицо, Кулябка, который был преподавателем пиитики в Киево-Могило-Заборовской академии и, следовательно, знал стихосложение [Берков, 1936, с. 225]. Здесь же авторитету Перетца был противопоставлен авторитет А.С. Пушкина, в списке которого «Передетая борода, или Гимн пьяной голове» имеет подзаголовок: «Пасквиль митрополита Димитрия Сеченова

на Ломоносова...» [Берков, 1936, с. 225]¹. Это на секунду поставило Беркова в тупик, он заподозрил, что автором «Имна» мог быть рязанский епископ Димитрий (Даниил Сеченов), соавтор синодального доклада, но Берков не такой человек, чтобы долго находиться в сомнениях, и он сразу их отмел: «Впрочем, это роли не играет, важно только одно – за Христофором Зубницким скрывался не Тредиаковский, а кто-то из церковников, скорее всего Сильвестр Кулябка» [там же], так что Ломоносов «был не прав, идентифицируя Тредиаковского и Зубницкого» [Берков, 1936, с. 226].

В 1939 г. к дискуссии подключился славист Кирилл Тарановский из Югославии. Сравнив ритмику «Имна», написанного 4-стопным хореем, и трех текстов Тредиаковского, написанных тем же размером, он пришел к выводу, «что ритмом “Имна” [Тредиаковский] никогда не писал», и привел в доказательство таблицы и диаграммы [Тарановский, 1939], однако версий о том, кто был автором, не выдвинул.

В 1959 г. мнения Перетца и Беркова были учтены при подготовке ПСС Ломоносова, но Г.П. Блок серьезнее отнесся к кандидатуре епископа, на которого уверенно указывал А.С. Пушкин, и нашел, что Сеченов тоже задевается в «Гимне бороде», потому что именно при нем началось возрождение упоминаемого там Керженца как раскольникового форпоста. «Улики» эти, добавил Блок, «косвенные, а не прямые», поэтому выводы не окончательные, но есть основания предположить, что «Пушкин был более прав, чем академик В.Н. Перетц» [Ломоносов, 1959, т. 8, с. 1077].

После этого поиски автора наглухо уперлись в Синод. Гипотеза оказалась востребованной советскими литературоведами не в силу своей убедительности, но потому, что делала Ломоносова персональным оппонентом церковников, а не профессора Тредиаковского, – «прогрессивным» русским просветителем, вступившим в рукопашную с попами. Возникшие в связи с этим противоречия попытался примирить А.В. Западов, задавшись справедливым (по сути, но не по форме) вопросом: «Но почему же, если очевидно, что Тредиаковский не мог написать пародии на “Гимн бороде” хо-

---

¹ Не впервые, раньше был П. Пекарский [Пекарский, 1873, т. 2, с. 604–605], но он не знал списка, который опубликуют только в 1935 г., и ссылаясь на главку «Ломоносов» в статье А.С. Пушкина «Мысли на дороге» (1833–1835), где эта приписка пересказывается.

тя бы просто по той причине, что не владел столь легким и ровным стихом, и это было ясно для Ломоносова не менее, чем теперь для нас, – почему он направил свою эпиграмму именно против Третьяковского? Ответ на этот вопрос может быть дан только предположительно»: Ломоносов побоялся вторично задевать архиереев и напал вместо них на Третьяковского, поскольку знал о его доносах в Синод [Западов, 1961, с. 196; Западов, 1979, с. 120].

Даже И.Ф. Мартынов, лучше которого рукописную литературу XVIII в. в СССР не знал никто, был уверен, что Третьяковского втянули в войну против «Гимна» помимо воли. Поскольку синодальный доклад подписан четырьмя именами, если бы СССР вовремя не рухнул, следующими кандидатами на авторство могли стать епископ Амвросий (А. Зертис-Каменский), автор «Поучений» и навязанный соавтор перевода «Опыта о человеке» Поупа, и архимандрит Варлаам (Василий Лящевский), автор «Трагедокомедии о тщете мира сего».

Поиск кандидатов в Синоде продолжился в 2011 г. Историк С.С. Илизаров назвал книгу Беркова 1936 г. «непревзойденной» [Илизаров, 2011, с. 117]¹, вспомнил отвергнутую им гипотезу о «бойком секретаре Сильвестра» и предположил, что автором «Имна» мог быть Г.А. Полетика, служивший тогда в Синоде переводчиком и обиженный на Ломоносова в марте 1757 г. за запрещение к печати его статьи «О начале, возобновлении и распространении учения и училищ в России...» [Илизаров, 2011, с. 120].

Поиски приобрели спекулятивный характер, проблема сделалась нерешаемой или бесконечно решаемой с помощью множественных догадок. Число кандидатов возросло, причем все они обречены оставаться в статусе «подозреваемых», схема полемики искусственно усложнилась и неимоверно запуталась, а комментарий превратился в сборник гипотез. Дело об идентификации Зубницкого стало *cold case*.

---

¹ Она в самом деле непревзойденная по количеству произвольных толкований, надругательств над материалом и маниакально-депрессивной самоуверенности, с которой автор кромсал рукописи XVIII в., заменяя содержащиеся в них вводные данные собственными измышлениями.

Фактчекинг: факты и фальсификации

Научное значение статьи В.Н. Перетца заключалось в том, что она, во-первых, содержала текстологически образцовую публикацию двух писем Зубницкого – I. «Писма к профессору Ломоносову» и III. «Писма к профессору ТрEDIAKовскому», напечатанных по украинскому списку с указанием разночтений по публикациям А.Н. Афанасьева и М.И. Сухомлинова [Перетц, 1911, с. 90–96, 98–99], – и вводила в оборот II. «Писмо к профессорам Миллеру и Поповскому», не разысканное в российских хранилищах [Перетц, 1911, с. 96–97]; во-вторых, отслеживала совпадения формулировок из писем Зубницкого (преимущественно письма I, адресованного Ломоносову, на остальные приходится по одному совпадению) с синодальным докладом от 6 марта 1757 г. о «Гимне бороде» и стихах «О страх, о ужас, гром...» [Перетц, 1911, с. 100–101]. Все это, однако, ни вместе, ни порознь, ни с учетом указания на Кулябку как адресата «Гимна бороде» в киевском списке А.М. Княжевича и бумагах митрополита Евгения никак не приводит к выводу об авторстве Кулябки. Чтобы увидеть необязательность и несостоятельность этой гипотезы, шедшей в нагрузку к позитивистской части работы, нужно разобрать аргументацию, с помощью которой она обосновывалась, а главное – причину, по которой Перетцу понадобилось отводить авторство ТрEDIAKовского.

Сначала надо вернуться к фактам. Указания на ТрEDIAKовского как автора писем Зубницкого встречаются в двух ломоносовских текстах – «Что за дым...»¹ и «Безбожник и ханжа подметных писем враль...». (Перетц уделил внимание только второму.) В «Что за дым...» (в *РС* – «Сатира г. Ломоносова» на ТрEDIAKовского») Тресотин, выступающий против «Гимна бороде», защищает бороды, чем способствует раскольничьим гарям:

Он один,
Тресотин,
Сердцем сроден бесу.
Он безбожной лицемер,
Побродяга, суевер.

---

¹ В списке П. Пекарского под именем И. Баркова, но это наиболее сомнительная атрибуция из трех текстов в защиту Ломоносова, приписанных Баркову в этом сборнике.

Он продерзостью своей
Ободрил бородачей

[*РС*, с. 55; Ломоносов, 1959, т. 8, с. 827].

Тресотин (Трисотин) – кличка Тредиаковского, использованная в 1753 г. Ломоносовым в эпиграмме «Искусные певцы всегда в напевах тщатся...». Далее в «Что за дым...» Ломоносов называет Тредиаковского «пустосвятом», отстаивающим «ложь святош», и вспоминает, как тот играл роль шута при дворе Анны Иоанновны: «Как Петрил тебя катал / И Балакирев гонял. / Все ревет тебе: «Кураж<ь>, / Тресотин, угодник наш!»

«Упоминание Тресотина дало повод считать это стихотворение сатирой на Тредиаковского, – комментировал стихи А.А. Морозов, затронутый влиянием перетцево-берковских изысканий. – Однако содержание сатиры, высмеивающей преимущественно старообрядцев, и определение Тресотина как керженского лжепророка заставляют в этом усомниться, так как о сочувствии Тредиаковского раскольникам ничего не известно» [Морозов, 1986, с. 535]. Недоумение это легко рассеять, если учесть, что Ломоносов и Барков, защищая «Гимн бороде», настаивали на антираскольничей подоплеке сатиры: Ломоносов пишет с этой целью «Что за дым...», а Барков – «Сатиру на раскольников...», никем не замеченную и выброшенную из описания полемики 1757 г.; другой подтекст старообрядческих «гарей» в «Что за дым...» будет вскрыт ниже. Впрочем, Морозов не предложил никаких объяснений, кто был Тресотином, если не Тредиаковский, и опубликовал «Что за дым...» с заголовком из *РС*, чем все его сомнения и кончились.

Эпиграмма «Безбожник и ханжа...» в *РС* озаглавлена «Ломоносова Зубницкому». Г.П. Блок, не упускавший случая подорвать доверие к этому сборнику, указал: «Нам знакомы только списки. Не издавши подлинника, нельзя утверждать с полной уверенностью, что так же был озаглавлен и он» [Ломоносов, 1959, т. 8, с. 1077]. То, что это заглавие не авторское, а толковательное, показывающее, к чему именно относится эпиграмма, – вполне вероятно, но это ровным счетом ничего не меняет в адресате, поскольку из самого текста следуют три факта: он против Тредиаковского, он связан с полемикой о «Гимне бороде», и

Тредиаковский в этой полемике лицемерно («ложной святостью») «скрывался бородой».

Безбожник и ханжа подметных писем враль,
Твой мерзкой склад давно и смех нам и печаль:
Печаль, что ты язык российской развращаешь,
А смех, что ты тем злом затмить достойных чаешь.
Наплюем мы на страм твоих поганых врак:
Уже за 20 лет ты записной дурак;
Давно из гага всем читать твои синички,
Дорогу некошну, вонючия лисички;
Никто не поминай нам подлости ходуль
И к пьянству твоему потребных красноуль.
Хоть ложной святостью ты бородой скрывался,
Пробин, на злость твою взирая, улыбался:
Учения ево и чести и труда
Не можешь повредить ни ты, ни борода.

[Ломоносов, 1959, т. 8, с. 630]

«Подметных писем враль...» – дело о подметном пасквиле на президента Академии, А.П. Сумарокова, Г.Н. Теплова, Г.-Ф. Миллера и всех иностранных служащих, подкинутом в октябре 1755 г. Ломоносову и вызвавшем расследование в отношении Тредиаковского [Пекарский, 1873, т. 2, с. 188–193].

«Печаль, что ты язык российской развращаешь» – намек на «орфографию» Тредиаковского, одной из особенностей которой были флексии существительных мн. ч. на -и (облаки) и прилагательных мн. ч. муж. р. на -ьи/-ии (дикии, кривьи), на эти флексии Ломоносов напал в эпиграмме 1753 г. «Искусные певцы всегда в напевах тщатся...»: «Языка нашего небесна красота / Не будет никогда попорна от скота».

«За 20 лет» значит ‘более 20’, т.е. с 1730 г., когда появляются «Стихи на разные случаи», приложенные к «Езде в остров Любви», и дальше поясняется, какие именно: «дорога некошна» – отсылка к «Стихам эпиталамическим на брак... Александра Борисовича Куракина...» («Или тебе некошна́ вся была дорога»), «вонючия лисички» – к «Песенке... на выезд в чужие края» («Поют птички, / Со синички / Хвостом машут и лисички»), «ходули» и «красоули» – к эпиграмме «На человека, который, вошед в честь, так начал бы гордиться, что прежних своих равных друзей прене-

брегал бы» («Нужды, будь вин жаль, нет мне в красовулях <...> Ин к тебе притти позволь на ходулях»)¹. Эти рифмы Ломоносов высмеял в «Письме о правилах российского стихотворства», и здесь не просто возвращает Третьяковскому упреки в пьянстве, но обвиняет в связи с попами: красоули – это монастырские сосуды для вина, 10-й стих дублирует следующий.

Ломоносов упрекает Третьяковского в «ложной святости», потому что хорошо помнит ранние его сочинения, переполненные французской галантностью [Гречаная, 2010, с. 30–77], и репутацию «первого развратителя российского юношества» (*le premier corrupteur de la jeunesse russe*), которую он заработал в 1730-е годы переводом романа П. Таллемана с приложенными к нему стихами и которою хвастался в письме к секретарю библиотеки Петербургской Академии наук Иоганну Даниэлю Шумахеру от 18 января 1731 г., где называл попов «подонками» (*la lie que l'on appelle vulgairement les pops*) [Малеин, 1928, с. 431].

«Хоть ложной святостью ты бородой скрывался». Этот стих Перетц назвал «двусмысленным»: его «можно понимать так, что под Зубницким Ломоносов разумел лицо, украшенное бородой» [Перетц, 1911, с. 87]. Именно этим Перетц разрешил себе поиск других кандидатов на авторство. Стих содержит два творительных падежа при неясной пунктуации: его можно прочесть как ‘скрывался ложной святостью, символ которой борода’, и тогда после «ты» должна быть запятая, или же Третьяковский (= Зубницкий) ‘будучи лицемером, скрывался за лицом, носящим бороду’, однако ни в коем из случаев его невозможно понять так, как истолковал Перетц: что Зубницкий это и есть «лицо, украшенное бородой». Такое толкование перечеркивает идентификацию Третьяковского как автора «подметных» писем в инципите, поддержанную несомненными отсылками к его орфографии (стих 3), к роли «дурака» при дворе Анны Иоанновны (стих 6) и к ранним текстам в стихах 7–10, из которых, к слову, Перетц опознал только один – о «вонючих лисичках». Это опровергает семь стихов из 14, т.е. ровно половину текста.

В письме I «Зубницкого к Ломоносову», том самом, где встречаются сближения с докладом Синода, вся «синодальная»

¹ Эти три отсылки указаны: [Ломоносов, 1959, т. 8, с. 1081].

фразеология вложена не в прямую речь Зубницкого, а в речь «одного из [его] знакомцев», «который крайне ненавидит всякое нестроение во обществе» и «без суеверия» почитает «закон» (религию). «Не думайте, господа, – продолжал он речь, – чтоб одной только бороде поругание сделать он намерился. Нет! Его безбожное намерение было, чтоб нам смешным представить и весь закон наш». Далее «знакомец» Зубницкого с примерной четкостью классифицирует бороды – разделяет бороды раскольников, которые заслуживают посмеяния, потому что носят их по суеверному заблуждению, надеясь этим спастись, и бороды духовных персон, которые такого не заслужили. Именно этот «знакомец» представлен в письме автором «Имна пьяной голове». Стих «Хоть ложной святостью ты бородой скрывался» означает, что Третьяковский-Зубницкий, выдумав себе «знакомца» из благочестивых защитников бород или в самом деле таковым обзаведшись, поделился с ним своими мыслями и наблюдениями (которые в синодальном докладе, как еще придется сказать, были лишены всякой тонкости обоснований).

Ошибочное прочтение стиха дает Перетцу повод отвести авторство Третьяковского и начать поиски автора в Синоде, что якобы санкционировано текстом Ломоносова. Описывая «некоторые затруднения», которые возникли у него с отождествлением Третьяковского и Зубницкого, Перетц сочиняет риторическую подводку к тому, чтобы объявить Зубницким задетого в «Гимне бороде» архиепископа: «Зубницкий так жестоко обижен, в его словах слышится столько личного и профессионального озлобления, что трудно допустить это отождествление. Попробуем поискать другое лицо...» [Перетц, 1911, с. 88] и продолжает в том же ключе: у Третьяковского стиль «запутанный, мелочно придиричивый», а в письмах – «спокойный, холодно отточенный, полный иронии и сарказма» [Перетц, 1911, с. 99]. Противопоставить этому можно другие импрессионистические доводы: образчики сарказма легко отыскиваются в полемических текстах Третьяковского во множестве, но выписывать я их не буду, потому что бремя доказательств лежит на утверждающем, личное же «озлобление» ниже объясню другим способом без привлечения гипотезы о Кулябке.

«Малоросский акцент», пробивающийся в орфографии списка митрополита Евгения («скривать», «плоди», «полезним», «ко-

тория», «выпускает», «бывают», «ви») [Перетц, 1911, с. 90], говорит не об авторстве малоросса Кулябки (точнее, говорил бы, если авторство и принадлежность ему списка уже были положительно установлены), а о выучке переписчика: украинский акцент в киевской рукописи более чем понятен, в других списках его нет. В самом конце, когда выводы уже сделаны, Перетц возвращается к эпиграмме и на этот раз пишет, что Ломоносов «ставит какую-то бороду, т.е. духовное лицо» рядом с Тредиаковским [Перетц, 1911, с. 103], а не вместо. Это означает, что Перетц намеренно неправильно понял эпиграмму: сфальсифицировал данные, а потом подогнал под них свой вывод. Перетц пытался убедить, что направление поисков задал Ломоносов, П.Н. Берков это ухищрение отбросил: у него Ломоносов просто ошибся насчет Тредиаковского; в книге Беркова такое постоянно случается с литераторами XVIII в.

Комментаторы, которые вслед за Перетцем и Берковым кинулись искать Зубницкого в Синоде, без сожалений отбрасывали идентификацию его как Кулябки: она никому не показалась достаточной, из аргументов Перетца был принят и стал общим местом только один самый слабый – стилистический, что это не Тредиаковский.

Что до списка А.С. Пушкина, не слишком исправного («гудеров» вместо «гедерой», «мазанием» вместо «мозаиком» и т.п.) и датированного 1835 г., т.е. отстоящего от времен полемики на 80 лет, то он по ценности должен быть уравнен с другими поздними списками: тот факт, что он писан рукою «нашего всего», плохо понимавшего, что оно списывает¹, и не знавшего ни стихов «Безбожник и ханжа...», ни вообще картины контroversии, делает его материалом для изучения представлений Пушкина о литературе XVIII в., а не полемик 1750-х годов. Рядом с указанием на авторство Сеченова в нем содержится никем не принятое указание на ломоносовское авторство «Гимна бороде над бородами».

Сложности, которые создала атетеза, резюмировал А.В. Западов, попутно совершив еще одно насилие над текстами: делегировав Ломоносову собственное убеждение, что Тредиаковский

---

¹ К слову «керженцам» Пушкин приписал: «Первенцам?» [Неизданные стихи..., 1935, с. 564].

был неспособен сочинить «Имн», поскольку не владел легким и ровным стихом¹. Аргумент несостоятелен не только потому, что стилистический метод атрибуции – неточен и надежных результатов не дает, но и потому, что основывался не на стиле, а на стереотипе о стиле. Сейчас стереотип опровергнут и не имеет сторонников, но на всякий случай приведу пример. Эпиграмма Тредиаковского против Ломоносова «Цыганосов, когда с кастильских вод проспится...», относящаяся к той же полемике, – наилегчайшая по версификации, и в авторстве ее никто никогда не сомневался: «Стихотворение это замечательно гладкостью стиха. Давно уже, кажется, Полевым или Сенковским, было замечено, что Тредьяковский в порывах раздражения писал без вычур, языком понятным» [Артемьев, 1884, с. 184]. «...Тредиаковский написал едва ли не удачейшее из всех своих произведений в смысле простоты, ясности и даже легкости языка» [Берков, 1936, с. 230]. Таковы же эпиграммы «Не знаю, кто певцов...», «Родомонт», стихи «Лето, лето, ты горяче, мухами богато паче...» и т.д. Дело не в порывах раздражения, а в жанрах: перешедший на силлаботонику Тредиаковский в сатирах, эпиграммах и лирических стихах 1750–1760-х годов, где он писал, «как говорят», а не «как пишут», достигал и легкости, и ясности, и уже в 1750 г. правил стихи Сумарокова так, что они становились яснее [Сборник материалов..., 1865, ч. 2, с. 458]. Кроме того, «Имн пьяной голове» был пародией, написанной поверх «Гимна бороде», по этой причине ничего не доказывают подсчеты Тарановского: ритм «Имна» задан ритмом ломоносовского текста, который он переворачивал.

Ломоносов – коллега Тредиаковского по Академии наук, который знает его сочинения с 1730-х годов, более 20 лет, оставляет в стихах неведомые Перетцу отсылки, а о других противниках – такие личные намеки, которые оказался не в силах прокомментировать даже П.Н. Берков, известный способностью объяснить что угодно. Это не мешает историкам, знающим только фрагменты полемики и пытающимся с разным успехом сложить из них пазл, считать, что они лучше Ломоносова способны рассудить, мог Тре-

---

¹ Между прочим, если стих Тредиаковского 1703 г. р. слишком тяжел, отчего никто не спросил себя, обладали ли искомой легкостью Кулябка 1704 г.р. или Сеченов 1709 г.р., по сведениям М.И. Веревкина, еще до пострига учивший Ломоносова латыни.

диаковский написать такие стихи или не мог. С.В. Савкин думал, что Ломоносов опознал в Зубницком ТрEDIAKовского потому, что «мог располагать слухами об обстоятельствах нам неизвестных» [Савкин, 2004, с. 97]. Даже это предполагать не обязательно: ТрEDIAKовский не слишком камуфлировал авторство.

Все становится на свои места, если отбросить мешающую, навязанную ложную гипотезу, а именно – непосредственное участие членов Синода в сочинении «Имна пьяной голове» и писем Зубницкого.

Письмо I Зубницкого: реинтерпретация

В синодальном докладе от 6 марта 1757 г. тезис о бородах раскольников и духовных лиц сформулирован в лоб. Будучи вложенным в речь благочестивого «знакомца» Зубницкого 15 июля 1757 г.¹, он снабжен тонкими богословско-герменевтическими обоснованиями. «Я и сам держусь старой латинской пословицы, что *борода не делает философа*. Однако между бороною и бороною надлежит иметь различие. Раскольщики наши, которых бороде, для прикрытия только злаго своего намерения, несколько коснулся пьяный сочинитель Имна, носят оную по упрямству, по предверию и некоторому ложному надеянию в получении спасения. А напротив того, духовный наш чин носит оную по древнему церковному узаконению и обыкновению, последуя в том и некоторым, хотя внешним, видом подобясь Первоначальнику веры наша и святым его последователям, которых вид носить и самая высочайшая власти за честь себе вменяли, не имея притом об ней никакого мнения, которое другим могло б служить к предосуждению». Вряд ли кто-то в Синоде был способен к таким обоснованиям, иначе бы они содержались в тексте доклада, ТрEDIAKовский же такую способность доказал уже как минимум дважды.

В «Письме от приятеля к приятелю» (1750) ТрEDIAKовский придирается к сумароковскому выражению «отверзлась вечность» («Отверзлась вечность, все Герои / Предстали во уме моем»): «Ежелиб я нé-был совершенно уверен, что Автор отнюд (так! –

---

¹ Дата, выставленная под письмом «из Колмогор» ТрEDIAKовскому, остальные датированы июлем без указания числа.

М. О.) не знает Богословии; тоб подумал, что он говорит о так называемой у Богословов *предней вечности*, aeternitas a parte ante. Однако и сия вечность есть Божия, коея в середине, что до нашего разума, мир и все твари пребывают, а от сея, и так же по кончине тварей, пойдет *задняя вечность*, aeternitas a parte post <...> Есть еще и вечность, коя называется *вековечностию*; а имеет она начало, но не имеет конца. Сия принадлежит до умных и бессмертных тварей» [Сборник материалов..., 1865, ч. 2, с. 461].

13 октября 1755 г. Третьяковский доносит в Синод о сомнительном переложении 106-го псалма Сумароковым, выделив потенциальную и действительную множественности миров. Первая допускается богословами как «возможная по всемогуществу Божию», Сумароков же утверждает вторую, действительную множественность миров и бесконечность вселенной – «инфинитную экстензию» [Извест..., 1856, с. 272, 274], которая отдает коперниканской ересью. «...автору открывшаяся вселенная являет, что конца ей нет. Но в псалме 106-м отнюдь не упоминается о вселенной, не имеющей действительно конца: ибо ложно и нечестиво разуметь вселенную действительно бесконечною. А у автора сия вселенная есть точно действительная, а не возможная: ибо она у него открывшаяся, и являет точную, а не возможную бесконечность, для того, что возможное не находящееся действительно, представляется разуму только идеями или понятиями, а не феноменами или явлениями в естестве вещей пребывающими» [Извест..., 1856, с. 276]. Подробный разбор, или «изъяснение» оды выписывать не буду, и без того очевидно, что никто в администрации церкви не был способен отыскать это в тексте самостоятельно, потому они и заседали в Синоде, а не в Академии.

Герменевтические приемы, с помощью которых опознается «ересь», – тонкие и не каждому в 1750-е годы посильные, у Кулябки и Сеченова неоткуда было взяться подобным навыкам для чтения художественных текстов. Такая же иезуитская стратегия и богословская аргументация применяются к «Гимну бороде». Когда «знакомец» Зубницкого говорит, что в «Гимне бороде» автор нападает якобы на раскольников, тогда как на самом деле на всех бороду имеющих, следовательно, «генерально» на весь духовный чин, он действительно использует (повторяет) формулировки синодального доклада, но это означает только то, что Третьяковский

знал текст доклада, а то еще, как в случае с Сумароковым, сам подсказал, где искать крамолу; Ломоносов в эпиграмме «Безбожник и ханжа...» упрекает его именно за связь с попами. Перетц высказал было версию, что «автор писем воспользовался докладом как канвой для своих нападок, имея его в руках», но тут же отверг ее на том основании, что «Третьяковский был искони не в ладах с св. Синодом» [Перетц, 1911, с. 101], «в его душе должны были быть свежи неприятности с св. Синодом по поводу представленного им стихотворного перевода Псалтири» [Перетц, 1911, с. 102]. Здесь перетасованы отказ Академии (а не Синода) в августе 1755 г. печатать «Псалтирь» с проблемами, которые возникли в Москве в 1758 г. после писем Зубницкого и вопреки синодскому распоряжению от 11 апреля 1757 г. о напечатании «Феофии» и «Псалтири» [Шишкин, 1989, с. 481].

Связь Третьяковского с Синодом была давней и прочной. Синод в 1743 г. выдал ему аттестат, позволивший в 1745 г. получить должность профессора «как латинския, так и российския элоквенции» [Пекарский, 1873, т. 2, с. 107]. Академия отказывала ему, поскольку должность профессора российской элоквенции еще не была учреждена, и 4 ноября 1743 г., как напишет Третьяковский Сенату, «Святейшаго Правительствующаго Синода члены, как искуснейшия Особы в обеих помянутых элоквенциях, склонясь на просьбу мою Пастырски и отечески, благоволили свидетельствовать меня не несколько, но довольно искусна в обеих помянутых элоквенциях» [Просьба..., 1851, с. 232]. Копию аттестата Третьяковский приложил к прошению в Сенат, поданному 28 февраля 1744 г.: «...сим свидетельствуем, что оные его сочинения виды по точным правилам элоквенции произведены, что чистыми и избранными словами украшены, и что по всему тому явно есть, як он не сколько, но толико произшел в элоквенции, сие есть в красноречии Латинском и Российском, что праведно надлежащее в том искусство приписатися ему долженствует», в чем подписались: «Смиранный Амвросий, Архиепископ Новгородский Кирилл, Архимандрит Троицкий Платон, Архимандрит Рождественский Симон, Архимандрит Ипатский»¹ [Просьба..., 1851, с. 236].

---

¹ При последнем имя пропущено: архимандрит Ипатский Платон (Павел Малиновский), возвращенный из сибирской ссылки, – тот самый, с которым Тре-

«Псалтирь», поданная в синодальную цензуру 9 декабря 1753 г., была освидетельствована и одобрена лично Кулябкой, а «Феоптия», поданная в 1754 г., – епископом Гавриилом (Григорием Кременецким). 24 февраля 1754 г. на обе книги Третьяковский получил заключение, что «во оных никакой противности Церкви святой не присмотрено» [Пекарский, 1873, т. 2, с. 173], и в марте 1755 г. обратился в академическую канцелярию с просьбой печатать на своем коште сначала «Феоптию», а потом «Псалтирь». Он с 1730-х годов был «своим человеком в духовной среде»¹, а к 1755 г. у него установилось полное взаимопонимание с Синодом, и в Академии об этом знали.

В июле 1755 г. Миллер без объяснений распорядился изъять из августовского номера «Ежемесячных сочинений» утвержденную к печати конференцией и уже набранную статью Третьяковского о правописании прилагательных «яко недостойную»², и с тех пор все его сочинения будут отвергаться журналом. В августе же в типографии Академии наук стопорится печатание «Феоптии»: Третьяковский получает завуалированный отказ (сначала-де надо окончить печатанием уже «начатые в типографии книги») и намек: не имеет ли он намерения печатать «Псалтирь» и «Феоптию» в Москве, т.е. в Синодальной типографии. Третьяковский считывает намек («Если б я не-был намерен здесь при Академии их печатать, то б и не трудил прошением моим Его Графское сиятельство»), проглатывает его и 22 августа 1755 г. забирает рукопись [Пекарский, 1873, т. 2, с. 174], заподозрив, что канцелярия «тайно, мнитесь, отказывает мне» [Пекарский, 1873, т. 2, с. 175]. 13 октября 1755 г. Третьяковский пишет донос на оду Сумарокова из 106-го псалма,

---

Третьяковский не раз встречался в Москве и при котором в 1731 г. пел «псалму» [Пекарский, 1873, т. 2, с. 36–38]. По одной из версий, Малиновский спьяну нашел в песни ересь, но, протрезвев и разобравшись в тексте, признал неправоту и простил Третьяковского [Шишкин, 1989, с. 521–522]. «Безалкогольную» интерпретацию эпизода см.: [Успенский, 2008, с. 115–118, 365–366].

¹ Формулировка А.Б. Шишкина. О претензиях на роль церковного писателя см.: [Шишкин, 1989, с. 520–530]. О ранних знакомствах и покровителях Третьяковского в духовных кругах: [Успенский, 2008, с. 360–371].

² Причину не было ее содержание, конференция еще в феврале признала орфографию Третьяковского, и все его тексты в журнале за первую половину 1755 г. печатаются в соответствии с нею.

напечатанную в сентябрьском номере «Ежемесячных сочинений», рассудив, что синодальная цензура будет хорошим инструментом давления на его врага, и пытается закопать журнал, в котором его перестали публиковать: «...понеже “Ежемесячные книжки” обращаются многих читателей руками, из которых иныи могут и в соблазн притти...» [Извет..., 1856, с. 272], и в том же месяце подметное письмо. Этим он окончательно обрубаёт связь с Академией. Сумароков откликнется на донос 1 ноября 1755 г., прислав академическому собранию бумагу о недопущении Третьяковского к редакции его сочинений [Пекарский, 1867, с. 43], а И.П. Елагин прибавит в портрет педанта Франгизиуса Тенебросуса (Frangisius Tenebrosus) из сатиры «Автор» К.Х. Гертнера, перевод которой напечатан в декабрьской книжке «Ежемесячных сочинений», памфлетный пассаж: Тенебросус отыскивает в чужих текстах «самовымышленная ереси» и пишет «гнусные пасквили» на просвещенных людей, не слушающих его «блядословия»¹.

Весной 1756 г. Третьяковский проводит эксперимент с «Ежемесячными сочинениями»: через А. Нартова передает анонимную оду «Вешнее тепло», зашифровав в названии свои инициалы, и ее печатают в майском номере. Этим он доказывает, что табу объясняется не предубеждением против качества сочинений: «...презрение стремится токмо на меня, а не на труды мои» [Пекарский, 1867, с. 16; Пекарский, 1873, т. 2, с. 198].

Последствия доноса Третьяковский сам не рассчитал: именно он вызовет мощную волну православной цензуры, которая накроет в 1756–1757 гг. и типографию Московского университета, и академическую типографию, печатавшую «Ежемесячные сочинения», и смотает собственные его книги – «Псалтирь» и «Феоптию». По подсказке Третьяковского в 1756 г. Синод принялся вычищать коперникианство из литературных сочинений, и первой

---

¹ Вставка отмечена: [Берков, 1936, с. 309, примеч. 23]. Гертнеровский Тенебросус этим в самом деле не занимался [ср.: Gärtner, 1743, S. 304–306]. Будучи знатоком латыни и древностей, он объявлял варварами тех, кто утверждает, будто Фетида держала Ахилла двумя руками, когда окунала в Стикс, сочинил грамматическое руководство об употреблении слов *et*, *ac*, *etiam*, *quoque*, и самое предосудительное – собрал все высказывания величайших ученых за десять лет, противоречащие его правилам, чтобы предупредить об «опасности надвигающейся тьмы» [Gärtner, 1743, S. 306].

жертвой стал ломоносовский ученик Н. Поповский, который перевел поэму А. Поупа «Опыт о человеке» по французскому переводу Этьена де Силуэта (*Essai sur l'Homme*, 1736) и латинскому переводу немецкого теолога Ам-Енде (*Alexandri Pope Commentatio de homini*, 1743) [Keipert, 2001]¹. 19 августа 1756 г. Московский университет представил перевод на рассмотрение в Синод, прося дозволения его напечатать, Синод обсудил текст на заседаниях 23 и 27 августа 1756 г., нашел некоторые стихи «не безсумнительства» и запретил. Дело будет улажено через И. Шувалова, который предложил Амвросию (Зертис-Каменскому) исправить текст «в одних только терминах без дальней перемены» так, что «в нем ничего о множестве миров, коперниковской системе и к натурализму склоннаго не останется»², и тот вернул его исправленным 27 февраля 1757 г. Купированный перевод выйдет в 1757 г., а в списках будет распространяться без цензурных изъятий³.

---

¹ Перевод был готов уже в марте 1754 г. – 28 марта Ломоносов пишет Шувалову, что «господин Поповской свой перевод всех стихов Попиевых, несколько еще исправленных, сего дня чрез меня в канцелярию для посылки к Его Сиятельству отдал» [Материалы для биографии..., 1865, с. 261; Ломоносов, 1950, т. 10, с. 505], – но опубликован только через три года, когда в списках уже разошелся прозаический перевод Силуэта, сделанный студентом Академического университета И.Н. Федоровским [Описание..., 1980, т. 4, вып. 2, с. 80–81].

² Подробнее о цензурировании сочинений о множестве миров см.: [Барсов, 1901; Радовский, 1959, с. 77–78], см. об усилиях Шувалова, его роли посредника по напечатанию перевода Поповского [Радовский, 1959, с. 111, примеч. 38] и вероятного вдохновителя «Гимна» [Ивинский, 2015, с. 133–135], но цензура редко [Breitschuh, 1979, S. 20; Воробьев, 2017, с. 600] ставилась в связь с доносом Тредиаковского, который только и объясняет, почему именно эта тема именно в это время так увлекла Синод.

³ «Опыт о человеке г. Попе о естестве и состоянии человека в разсуждении всея вселенныя. Переведено с французскаго переводу Профессором Николаем Поповым. Списано с подлинника прежде как оной Святейшим Синодом был правлен» [РГАДА. Ф. 181. Оп. 3. Ед. хр. 236/415. 47 л.]; «Кавалера А. Попе Опыт о человеке в четырех нравоучительных книгах...» [НИОР БАН. 16.14.4. 54 л.]. Иногда рукописные вставки вклеивались между страницами печатного издания [НИОР БАН. 1757/8]; [Маргтынов, 1975, с. 201; Описание..., 1980, т. 4, вып. 2, с. 81]. Первая рукопись миллеровская, и Г.-Ф. Миллер, вероятно, изготовил свою копию с экземпляра Сумарокова, испрошенного на сутки, о чем сохранилась записка: «Vous m'avez promis Monsieur de me preter l'ex(empl)aire de la traduction Russe de Pope ou les vers changés sont ecrits selon la traduction de Mr Popof ou

---

Одновременно православная цензура обследовала все номера «Ежемесячных сочинений» в поисках упоминания множества миров. 21 декабря 1756 г. Синод просит запретить печатание сочинений о множестве миров и конфисковать («отбирать и в Синод присылать») уже изданные – «Ежемесячные сочинения» за 1756–1757 гг. и старые книги, на которые никто не обращал внимания, пока Третьяковский не поставил такую «богословскую» проблему: «Разговоры о множестве миров» Фонтенеля в переводе Антиоха Кантемира (1740), а также «Чтири книги о истинном Христианстве» Иоганна Арндта в переводе Симона Тодорского (1735), «Феатрон, или Позор исторический» В. Страттемана, переведенный Гавриилом Бужинским (1724) [Доклад..., 1867]. В дополнение к докладу Синод посылает духовнику императрицы Феодору Дубянского реестр текстов из «Ежемесячных сочинений», нечестиво трактующих о множестве миров [Барсов, 1901, с. 112]: «Сон» Иоганна Крюгера в переводе А.А. Нартова (август и ноябрь 1755 г.), «Ода духовная» из псалма Сумарокова (сентябрь 1755 г.), «Микромегас» Вольтера в переводе А.Р. Воронцова (январь 1756 г.) и «Размышление о Величестве Божиим» в переводе С.А. Порошина (ноябрь 1756 г.)¹. Последний цензоры сочли особенно криминальным, так как там еще и «Священное писание заблуждением называется». 24 декабря 1756 г. Синод пытается истребовать у академической канцелярии оригинал, из которого Порошин перевел статью, но все прячут концы в воду: Миллер отговаривается тем, что «Увеселение разума» (лейпцигский журнал Готшеда «Увеселения разума и духа») находится у переводчика и не может быть представлено в канцелярию [Пекарский, 1867,

---

Popovsky Professeur de l'Université je vous promets Monsieur de remettre ce livre en propres mains tel que je recevrai sans delais et nomement en vingt quatre heures» [Берков, 1962, с. 381] – «Вы обещали, государь мой, предоставить мне экземпляр русского перевода Поупа, где измененные стихи написаны в соответствии с переводом г-на Попова или Поповского, профессора университета. Я обещаю вам, государь мой, вернуть эту книгу в руки ваши такую, какую ее получу, без задержек, точно через двадцать четыре часа».

¹ Из четырех сочинений только в псалме Сумарокова отыскать эту идею сложно, в остальных она звучит явно. Помимо этого в синодский невод попали «развращающие честные нравы» «песни, басни и прочее», которые «почти во всяком месяце помянутых сочинений выискать можно».

с. 43–44], а Порошин – что брал книгу у приятеля, ныне уже покойного [Барсов, 1901, с. 112–113].

«Гимн бороде» Ломоносова был откликом на доклад Синода от 21 декабря 1756 г. о запрете печатания и изъятии уже напечатанных книг о множестве миров. Доклад этот подписали: архиепископ Санкт-Петербургский Сильвестр (Симеон Кулябка), епископ Рязанский Димитрий (Даниил Сеченов), архимандрит Донской Варлаам (Василий Лящевский) и архимандрит Свято-Троицкой лавры Афанасий (Петр Вольховский) [Доклад..., 1867, с. 8], и это суть первые адресаты «Гимна». Трое из четырех этих «бород» напишут отзыв и на «Гимн», Вольховского сменит Зертис-Каменский [Илизаров, 2011, с. 118].

«Гимн бороде», написанный после 21 декабря 1756 г. – не позже февраля 1757 г., – это действительно сатира на Кулябку, главного покровителя Тредиаковского в Синоде [Шишкин, 1989, S. 473], а также на Сеченова [Ивинский, 2015, с. 132–133], на две другие «бороды», пытающиеся цензурировать светские книги, и на Тредиаковского как на причину усилившегося мракобесия.

Естли правда, что планеты,
Нашему подобны светы,
Конче, в оных мудрецы
И всех пуше там жрецы
Уверяют бородою,
Что нас нет здесь головою.
Скажет кто, мы в правды тут,
В струбе там того сожгут, –

т.е., если правда во вселенной есть множество обитаемых миров, наверняка в этих мирах есть «мудрецы» и «жрецы», которые уверяют, будто нас, обитателей Земли, не существует, а тех, кто утверждает, что мы существуем, – сжигают в струбах. Раскольничий струб взят как символ обскурантизма, защитником которого Ломоносов представляет Тредиаковского и здесь («мудрецы»), и в «Что за дым...», где Тресотин уподоблен Герострату, который хочет зажечь «парнасский храм», а под «глупой ложью святош», которую он защищает, имеется в виду не столько борода, сколько «разум псаломника, вдохновленный Духом Святым», противопоставляемый «разумению о безпредельности вселенная», «нечестивой» теории множества миров «новых философов» [Извет...,

1856, с. 273]. Ю.М. Лотман заметил, что Ломоносов «не различал защитников синодального православия и старообрядчества» [Лотман, 1996, с. 277], во всяком случае стремление Синода публично жечь книги приравнивал к старообрядческим «гарям». «Гимн бороде» члены Синода потребуют сжечь публично «через палача под виселицею» в соответствии с 149-м пунктом главы 18 Военного артикула [Илизаров, 2011, с. 117–118].

Изъятие Третьяковского из полемики исказило и смысл «Гимна». Строфы «Через многие расчосы...» и «Ах, куда с добром деваться...» считали темными: «Связь 9 и 10 строф с предыдущими не совсем ясна» [Ломоносов, 1959, т. 8, с. 1070]. В них усмотрели намек на таинственного церковного деятеля, возможно, Гедеона Криновского, который «обзавелся большим ассортиментом атласных и бархатных ряс, ходил в шелковых чулках и в башмаках с тысячными бриллиантовыми пряжками» [Ломоносов, 1959, т. 8, с. 1071]. Между тем там описывается лицо, у которого много атрибутов для ухода за бородой, но нет бороды («для их многого числа борода не доросла»), потому он старательно ее растит, «удобряя, как пашню». С большим основанием можно предположить намек на Третьяковского, у которого, как и у всех светских писателей XVIII в., не было бороды, но была готовность обслуживать «завесу мнений ложных». Этим объясняется «личное озлобление», которое Перетц почувствовал в письмах Зубницкого.

В посмертном издании трагедии Третьяковского «Деидамия», напечатанной по рукописи в 1775 г., в реестре «Рукописныя его же сочинения не изданныя еще в свет» разных лет сразу за «Псалтирью» значатся: «20) Имны, в защищение духовных лиц» [Краткое описание..., 1775, с. <9>]. Тут самое время вспомнить, что «Гимн бороде» в киевском списке А. Княжевича обозначен как «Стихи на архиепископа Кулябку, соч. г. Ломоносова» [Сухомлинов, 1893, т. 2, с. 160], а в бумагах митрополита Евгения к «Имну пьяной голове» приписано: «Ломоносов написал пасквиль на Сильвестра (Кулябку), архиепископа Петербургскаго, а это на него ответ» [Петров, 1891, вып. I, с. 163]. В отличие от «имнов духовных», «имнов в защищение духовных лиц» не существовало, жанр

родился в 1757 г.¹, и в XVIII в. связывался с именем Тредиаковско-го. В молодостовской «Девичьей игрушке» (1780-х годов), включавшей полемику о «Гимне», «Письмо, принадлежащее к гимну пьяной голове» («Государь мой. Не довольно ли того...») [*Мол.*, л. 71 об. – 73 = с. 21–23]) подписано: «В. Трдквск».

Фальшивая фамилия Зубницкий, произведенная от «зубы» и коннотирующая укус, отсылала к эпиграмме «Безстыдной Родомонт...» (конец 1753 г.), где Тредиаковский сравнил себя с пчелой «не без остра жала», угрожавшей уязвить, и впервые предъявил Ломоносову упрек в алкоголизме, который через три года разворачивается в «Имне пьяной голове», в «Цыганосове», в «Хоть глотку пьяную...» и еще ряде анонимных текстов против «Гимна бороде»: «Гимн брюху» («Брюхо жирное толстое, / В кое льют напитки вдвое, / Но те не вредят ему / Бакхусу как своему»), «Дифирамб Бакхусу, обитающему в ученом пиите» и др.

«Знакомец» Зубницкого нападает на полиматизм Ломоносова: «Во всех науках и во многих языках почитает он себя совершенным, хотя о некоторых весьма средственное, а о других никакого понятия не имеет. Со всем тем ежели кто незнающий ученых шарлетанов его послушает, легко поверить может, что он в свете первый полигистор». Этот упрек Тредиаковский повторит и развернет в «Цыганосове», где сочинит Ломоносову фальшивую похвалу, подражая приему и синтаксическим конструкциям эпиграммы на Хрисолога Ж.-Б. Руссо («*Chrysologue toujours opine...*»). Цыганосов, как и Хрисолог, – физик, музыкант, поэт, историк, ритор, помимо этого машинист и художник. Эпиграмма Руссо завершалась выводом: «Хрисолог есть все, и ничто», пуант Тредиаковского: «Цыганосов... цыть, цыть: вить похвалу я лгу». «Его не раздражал поныне я ни словом» значит, что в полемике 1757 г. «поныне» раздражал его Зубницкий, а он, Тредиаковский, тут ни при чем.

Способность Тредиаковского невозмутимо и убедительно отрешиваться от авторства была памятна по «скаредной подметной тетрадке» 1755 г.: он недоумевал и обвинял Теплова в попытке

---

¹ Из множественного числа следует, что «Имн пьяной голове» был не единственным. Теоретически в рукописи Тредиаковского могли быть другие гимны в защиту духовных лиц, но, чтобы опровергнуть довод Перетца о том, что он был на штыках с Синодом, достаточно одного названия.

довести его до самоубийства [Пекарский, 1873, т. 2, с. 193], но тот случай грозил серьезным наказанием. Вступить за архиепископа он считал делом несравнимо более безопасным.

Защищая духовных лиц, он отгородился от авторства дважды: сначала лицом с явно вымышленной фамилией Зубницкого и благочестивым именем Христофор (греч. Χριστός 'Христос' и φέρω 'несу'), которое станет посредником между ним, Третьяковским, и его врагами Г. Миллером, Н. Поповским и Ломоносовым, затем приятелем Зубницкого, защитником «бород» и сочинителем «Имна пьяной голове», при этом оставил в тексте достаточно примет, чтобы у Ломоносова была возможность его опознать.

Комментарий к «Имну пьяной голове»

«Имн» считался набором рифмованных ругательств и, в отличие от писем Зубницкого, никем не разбирался. То, что он не мог принадлежать никому иному, кроме Третьяковского, следует прямо из текста.

Я пою из тех творцов / Одного главу избранну, / Славно гедерой венчанну, / С молодых которой лет / Сыном Бахуса слывет. – Строфа I подхватывает высказанное в письме Зубницкого намерение «описать его [Ломоносова] пьяную голову»¹. *Гедера* (лат. *Hedera*) – плющ, ползучий кустарник, посвященный Бахусу («Ме-

---

¹ Нумерация строк соответствует их порядку в редакциях списков Миллера, *РС* и *Тим.*, л. 144–146. В *РС*, в ОР РНБ. Q XVII. № 168, л. 27–29, ОР РНБ. О XVII. № 17 (сборник Ф.В. Макарова из Якутска 1768 г.), л. 126–129 об. и списке А.Ф. Бычкова последовательность строк «Гимна бороде» перепутана. Верный порядок, – тот, в котором отвечает Третьяковский, – сохранен в рукописях архива Синода [Сухомлинов, 1893, т. 2, с. 158], Миллера [Сухомлинов, 1893, т. 2, с. 159–160; Илизаров, 2011, с. 113–116] и *Тим.*, л. 146–148, а именно: I. «Не раскошной я Венере...»; II. «Попечительна природа...»; III. «Борода в казне доходит...»; IV. «Не напрасно он дерзает...»; V. «О сколь в свете ты блаженна...»; VI. «Естьли правда что планеты...»; VII. «Есть ли кто невзрчен телом...»; VIII. «О прикраса золотая...»; IX. «Через многия раскосы...»; X. «Ах куды з добром деватся...». В последнем «Имн» содержит следующие разночтения с *РС*: «Не твоя ль хмельная рож» (л. 147) вместо «Но твоя хмельная рож», «Право харкать» (л. 147) вместо «Правей харкать», «Но безмерное пьянство» (л. 147 об.) вместо «Но <за> пребезмерно пьянство», «И так торжества лишился» (л. 148) вместо «И там торжества лишился».

таморфозы» Овидия, VIII 88; Гимн Горация XXVI «К Дионису»), в аттическом деме Ахарны (Ἀχαρνὰὶ δῆμος) Диониса называли Κισσὸν ‘плющом’, утверждая, что «тут впервые появился плющ как растение» («Описание Эллады» Павсания, I 31, 6). Жезл Диониса был увит плющом и виноградными листьями. нимфы прятали Диониса, закрывая ветвями плюща («Фасты» Овидия, III 770), когда пираты хотели захватить Диониса в рабство, его спас плющ («Метаморфозы» Овидия, III 664–665), ср. в изложении Фортунно Личети (Liceti Fortunio, 1577–1657): «Coronatur autem hedera Bacchus, <...> hic Deus quum aliquando in Naxum nauigare iuberet nautas, atque hi in alios locos illum asportarent; repente hedera per ramos serpebant, ac nauis nulla vi remorum loco dimoueri poterat» [De Lucernis Antiquorum reconditis, 1652, col. 843] – «Бахус увенчан плющом, потому что <...> когда однажды этот бог повелел морякам плыть к Наксосу, а они понесли его к другим местам, вдруг поползли ветви плюща, и никакая сила весел не могла сдвинуть лодки с места» [лат.]. Ранняя («с молодых... лет») «алкогольная» биография Ломоносова, известная в Академии, излагалась в «Уличной песне на Ломоносова» (Bänckel-Sänger-Lied auf Lomonosoff, 1754), писанной рукою Я. Штелина: крестьянского мальчика из Холмогор приютили в монастыре, где он «выучился кое-чему по латыни, но больше пить спиртное» («Und da studirt er was Latein, / Noch staerker aber im Brantwein»), и «это ему подошло». Полностью пьянству посвящен второй куплет: «Mit Knechten soff er sich herum, / Und pruegelt alle Jungen / Damit erwarb er sich den Ruhm, / Er hab' sich hochgeschwungen. / Drum ward er zum Student gemacht, / Da soff er Wotka Tag und Nacht» [Немецкия стихи..., 1865, с. 88] – «Он пил со слугами / И дрался со всеми мальчишками, / Так он прославился. / Вот почему он сделался студентом, / И тогда пил водку день и ночь». К. Харер, отметив переключки песни с записанными со слов Ломоносова анекдотами Я. Штелина, не исключал его авторства [Harer, 2002, S. 60–63].

Бочки ты тоя диороу / В человеческий лез род, / Оной где сидит урод. – В строфе II говорится, что Ломоносов вылез на свет не из вагины, а из дыры в винной бочке: первый образ перешел из ломоносовских стихов («Попечителна природа / О блаженстве смертных рода / Несравненной красотой / Окружает бородой / Путь, которым в мир приходим / И наш первой взор возводим»),

другой – из первой антиалкогольной эпиграммы Третьяковского на Ломоносова «Безстыдной Родомонт...»: «Гора полна мышей, о винной бочки вид».

Пьяницам любезный брат, / Взявши годовой оклад, / Бесплезно пропивает / И беспутство причиняет. – В строфе III содержится намек на конкретный аванс: «В сентябре 1756 разрешено президентом выдать Ломоносову жалованье по первое марта 1757 года, т.е. за полгода вперед, “для его необходимых нужд”» [Материалы для биографии Ломоносова, 1865, с. 787]. Это «корпоративный» наскок, сужавший поиск адресантов до Академии: ни Кулябке, ни его фантомному секретарю, ни Сеченову, ни Синоду в целом не было никакого дела до того, как Ломоносов получает жалованье в Академии, автор же, не имеющий отношения к Петербургу, не должен был знать об этом вовсе. Строфа нарочито противоречит фантазматическому сатирическому сюжету I письма Зубницкого: земляки из Холмогор обсуждают бесчинства Ломоносова и пишут ему послание в Петербург. В письме «Имн» представлен как сочинение человека, не имеющего знакомств в Петербурге: «...все обще рассуждали, что не худо б оный сообщить сочинителю Имна бороде; но автор им отвечал, что он к нему самому посылать не хочет, а других знакомцев в Петербурге не имеет, кои б ему сообщили», после чего компания, в которой впервые зачитаны стихи, выбирает для этой цели посредником Зубницкого.

Пользу в том свою считает, / Чтоб обманством век прожить. / Общество чтоб обольстить / Либо мозаиком ложным, / Или бисером подложным. – Бисер по-славянски ‘жемчуг’, «подложный бисер» – жемчуг из стекла. Строфа IV тоже содержит канцелярско-академические обстоятельства. В 1752 г. Ломоносов просит денег на строительство фабрики в деревне Усть-Рудице под Петербургом для делания «разноцветных стекол и из них бисера, пронизок и стекляруса» [Материалы для биографии..., 1865, с. 184]. Указом императрицы только «к начинательному той фабрики производству» ему дают заимообразно без процентов 4 тыс. руб. из Мануфактур-коллегии с условием вернуть все в казну через пять лет [Материалы для биографии..., 1865, с. 185]. Фабрика требует все новых расходов: Ломоносов занят поиском «крашенных стеклянных составов» [там же], в мае 1753 г. через академическую канцелярию требует машины и станок, стоивший

более 16 рублей [Материалы для биографии..., 1865, с. 208, 245], в октябре 1753 г. 50 рублей на мозаичный портрет Петра I [Материалы для биографии..., 1865, с. 219] и т.д., всего будет потрачено около 6 тыс. Нападки на мозаику Тредиаковский повторит в статье «О Мозаике» (1759), где говорилось, что в Древнем Египте, Древней Греции, а затем в Италии «не было... другого употребления Мозаику, кроме выстилания полов» [Тредиаковский, 1759, с. 355], со временем искусство развивалось и достигло совершенства, но «более уже ни где не употребляется ныне для своей безважности» [Тредиаковский, 1759, с. 358]. «Напоследок, живопись, производимая малеванием, весьма превосходнее Мозаичныя живописи, по разсуждению славнаго в ученом свете Автора: ибо не возможно, говорит он, подражать совершенно камешками и стеклышками всем красотам, изображенным от искусныя кисточки на картине из масла или на стене, так называемую Фрескою, из воды по сырой извести» [Тредиаковский, 1759, с. 359–360]. Неназванный автор – Ш. Роллен, рассуждение взято из главки о мозаике в его «Древней истории египтян, карфагенцев, ассирийцев...» (Livre XXIV, chapitre V): «Il est impossible d'imiter avec les pierres & les morceaux de verre dont les Anciens se sont servis pour peindre de la sorte, toutes les beautés & tous les agrémens que le pinceau d'un habile homme met dans un tableau» [Rollin, 1737, t. 11, pt. 1, p. 113–114]¹. Тредиаковский и в «Имне», и в статье употребляет это слово в мужском роде – «мозайку»: «Мозаик (Mosaïque) есть имя Французское, которое происходит от Латинскаго Музаикум (Musaicum), или правее и чище Музивум (Musivum)» [Тредиаковский, 1759, с. 353–354], «Мозаик значит...», «в Мозаик включаются» [Тредиаковский, 1759, с. 354], «сей Мозаик» [Тредиаковский, 1759, с. 355], «Мозаик, подражающий живописи» [Тредиаковский, 1759, с. 359]. Ломоносов писал в женском, ср. во «Всенижайшем предложении о учреждении здесь мозаичнаго дела» (1752): «...для набора мозаи-

---

¹ И.З. Серман возводил пассаж к «Критическим размышлениям о поэзии и живописи» Ж.-Б. Дюбо [Серман, 1995–1996, с. 412], но Дюбо сказал это о мозаике Тициана в соборе Святого Марка в Венеции в сравнении с тициановскими же картинами [Dubos, 1719, part. I, p. 341], Роллен же без ссылки повторил формулировку Дюбо, придав ей обобщающий характер. Посредство «Древней истории» Роллена, которую Тредиаковский переводил и издавал с 1749 по 1762 г., более чем вероятно.

ки шесть человек <...> определить к показанным трем сортам мозаики» [Пекарский, 1873, т. 2, с. 909]; в посвящении М.Л. Воронцову ко 2-му изданию «Волфианской экспериментальной физики» (1760): «примеры римской мозаики» [Ломоносов, 1952, т. 3, с. 432], а не «римского мозаика»¹; и в документах академической канцелярии тоже употреблялся женский, архивариус И. Стаффенгаген пишет в октябре 1757 г.: «такой мозаики» [Материалы для биографии..., 1865, с. 353], 30 марта 1758 г.: «мозаикою» [Материалы для биографии..., 1865, с. 369], а не «мозаиком». Третьяковский мог бы поступиться своей морфологией, если хотел скрыть авторство.

Иль, серебро сыскав в дерме, / Хоть к ущербу всей казне. – Поиски серебра и золота в образцах сибирских руд. Так, 30 марта 1753 г. Ломоносов доносит в канцелярию, что в присланных 45 образцах «по пробе ни в едином нумере серебра и золота не отыскалось» [Материалы для биографии..., 1865, с. 200]. О «казне» Третьяковский вспоминает вслед за «Гимном» («Борода в казне доходы / Умножает повся годы») и пишет «переворот»: борода пополняет казну, а Ломоносов ее опустошает.

И на твой раздутой зрак / Правей харкать может всяк. – Строфа V перифразирует стихи «Гимна» V. «О коль в свете ты блаженна, / Борода, глазам замена! <...> Дураки, ввали, проказы / Были бы без ней безглазы, / Им в глаза плевал бы всяк; / Ею цел и здрав их зрак», имеющие в виду поговорку, что глупцам следует плевать в бороду. Раздувшееся (опухшее от пьянства) лицо Ломоносова более подходит для этой цели, возражает Третьяковский.

Естьли правда что планеты / Нашему подобны светы, / Конче пьяниц там таких / Нет и сумазбродов злых, / Веру чтоб свою ругали, / Тайны оных осмевали. – Строфа VI переворачивает VI строфу «Если правда, что планеты...», которая имела полемический смысл, уже истолкованный выше: «мудрецы» – Третьяковский, «жрецы» – духовная коллегия, начавшая по его подсказке цензурировать светские книги.

---

¹ На латыни Ломоносов пишет «sive ut vocant mosaica perficienda me accingerem» (письмо Эйлеру от 12 II 1754), по-русски чаще называет «мозаическим искусством» или «мозаическим делом».

Естьлиж проявятся тут, / Дельно в срубe их сожгут. – На это ответит эпиграмма «Пронесся слух, хотяг кого-то будго сжечь...», приписывавшаяся то И.С. Баркову (сборник Пекарского, унаследованный Модзалевским), то А.П. Сумарокову ([РС]; «Девичья игрушка» Ф.Л. Молодцова [Мол., л. 69–69 об.]). Авторство Сумарокова отвел П.Н. Берков [Берков, 1936, с. 238], но Сумароков был заинтересованным лицом в этой полемике и на стороне Ломоносова, а не Синода, так что авторство его не исключено. Антитеза *борода vs голова*, кодирующая *глупость vs ум* («Безголовым с бородой», «Уверяют бородою, / Что нас нет здесь головою», ср. в «Пронесся слух...»: «Хоть нет у нас бород, однако есть рассудки»), перифразирует раскольничью присказку, приводимую в статье «Борода» из словаря суеверий М.Д. Чулкова, кстати, автора сатир на старообрядцев: раскольники для своей «неправосоставленной ими системы лучше хотят лишены быть головы, нежели бороды; чем и многих простаков заразили» [Чулков, 1782, с. 5], ср.: [Сухомлинов, 1893, т. 2, с. 164], но бьет, как справедливо заметил Третьяковский, по клирикам.

С хмелю безобразен телом ~ Ты преподло быв рожден, / Хоть чинами и почтен, / Но за пребезмерно пьянство, / Бешенство, обман и чванство, / Всех когда лишат чинов, / Будешь пьяный рыболов. – Строфа VII – бодишейминг, излюбленная сатирическая тактика Третьяковского [Успенский, 2008, с. 466–469] – и выщучивание «подлого» происхождения Ломоносова из поморских рыбаков, ср. эпиграмму Школьника «Я, любуюся, читал все рыбацьи дела...» [НИОР БАН. Тек. пост. 640. Л. 22 об.].

Голова о прехмельная ~ Дурости, бесчинства мать, / Нечестивых мнений клад, / Корень изысканий ложных, / О забрало дел безбожных. – Строфа VIII постулирует пьянство как причину бесчинств. Если в «Гимне брюху» неумеренность и невоздержанность Ломоносова кодируется как раблезианская, то в «Имне» – как абсолютная противоположность христианскому аскетизму. Церковь, в отличие от раскольничества, не запрещала алкоголь и табак, осуждая лишь неумеренность в употреблении. Выстраивается прямая связь неумеренности с антирелигиозностью: чем дальше Ломоносов уходит от христианского идеала, предполагающего воздержанность, тем ближе он к сатане и тем больше ругается религией.

Украшу тебя рогами, / И индейскими слонами / Прямо везть велью в кабак, / С хором пьяниц и бурлак. – Строфа IX содержит иконографию Бахуса, отсылающую к эллинскому сюжету эпохи Александра Македонского о победоносном походе Бахуса в Индию, триумфе над индийцами и последовавших за этим вакханалиях. «Римские саркофаги часто изображают слонов в триумфальном шествии Бахуса; иногда они тянут колесницу бога, иногда на них верхом сидит Эрос или менады, иногда мы видим индийского пленника, привязанного к спине слона» [Reinach, 1892, t. 2, p. 537, fig. 2619]. В процессии Птолема Филладельфийского (ок. 150 г. до н.э.) кортеж Вакха состоял из четырехколесной колесницы, запряженной слонем, которым управлял сатир, сидящий на его шее; за нею следовали 24 колесницы, запряженные четырьмя слонами каждая [Reinach, 1892, t. 2, p. 537]. Лукиан Самосатский в трактате «О сирийской богине» в описании храма упоминает слоновьи бивни в числе трофеев, которые Вакх привез из Эфиопии. На настольных часах «Бахус» XVI в. (позолоченная бронза), сделанных в Аугсбурге и хранящихся в Кремле, Бахус (фигура в виде толстого тела без ног, но с виноградным венцом на голове) лежит в колеснице, запряженной индийским слонем (африканских не запрягают, они не поддаются дрессировке, и это самец, потому что он с бивнями). Во время боя часов слон оживал: сидящий на нем верхом погонщик стегал его хлыстом, а Бахус подносил ко рту бокал с вином. На фреске Аннибале Карраччи, изображающей триумф Бахуса, в левом углу есть фрагмент головы слона, символизирующего Индию (Carrache Annibale, Le triomphe de Bacchus, ок. 1700; Galleria Farnese, Рим), но слон плетется позади колесницы и не кидается в глаза. Замороженный серый слон, везущий трон с сидящим на нем Бахусом, изображен на картине Шарля де ла Фосса «Триумф Бахуса» (La Fosse Charles de, Le triomphe de Bacchus, 1700/1701; Лувр), иконография которой возводится к «Образам богов» Винченцо Картари (Vincenzo Cartari, Images des dieux, 1556, фр. перевод 1606 г.), где упоминается о Вакхе, вернувшемся из Индии верхом на слоне. В отличие от профессора элоквенции Тредиаковского, в Синоде не должны были знать в таких деталях иконографию Бахуса или обнаруживать такое знание.

Уж и чарки, уж и канны, / Слянки, кружки и стаканы / Там готовы для тебя; / Уж и стойка там чиста; / Колмогорские яры-

ги / Собрались встречать тя с лики; / Дайте дудку и сопель, / И волюнку и свирель. – Слово *канны* в строфе X, в списке Пушкина пропущенное как непонятное, – *бидоны*, от нем. *Kanne* ‘бидон’, ‘кружка’, ‘кувшин’, ‘фляга’, ‘заварочный чайник или кофейник’, ‘мера емкости жидкостей 1,95 л’, ср. *Milchkanne* ‘бидон для молока’. Слово сохранилось в русских говорах *кана* или *канна* ‘бидон’, ‘жестяной сосуд для хранения жидкостей’, белорус. *кан*, *кана* ‘бидон для молока’, латыш. *каппа*, латв. *канна*, *канка* ‘бидон’, ‘канистра (для пива, молока)’ [Аникин, 2005, с. 160; Мызников, 2019, с. 243; Словарь русских народных говоров, 2002, вып. 13, с. 34, 42; Лаучюте, 1982, с. 88], венгер. *канна*, *кónна* ‘жестяной сосуд цилиндрической формы с ручкой вверху’, ‘бидон’ [Лизанец, 1976, с. 600]. Строфа X «Имна» не имеет соответствия в канонической редакции «Гимна». В «Имне», как и в «Гимне бороде над бородами», – 11 строф, в известных списках «Гимна» – 10. Либо Тредиаковский был настолько задет, что сочинил в опровержение еще одну, либо утрачена строфа, содержащая дополнительные намеки, где подробнее перечислялись «приборы» для ухода за бородой, подготовленные для него попами.

Все приборы не годятся / Для Денисова сынка – т.е. сына Диониса [Пономарев, 1872, с. 71]; в списке Пушкина: «*Все триумфы негодятся / Для Бакусова сынка*» [Неизданные стихи..., 1935, с. 569].

Он, бежав до кабака, / На пути в кал повалился, / И там торжества лишился. / Голова, теперь прощай, / В век с свиньями почивай. – Строфа XI и последняя, напоминающая детскую дразнилку, промодулирована сатирой «Праздник кабацких ярыжек» («Служба кабаку») второй половины XVII в., в первой половине XVIII в. встречавшейся во множестве рукописных сборников: «...сказывают, что со многими бранился, а с иными дрался, того не помню всего, а ин проповедует: яз тебя пьяние был, весь переблевался и что свинья в калу перевалился».

Если кто-то пишет, как Тредиаковский, аргументирует, как Тредиаковский, использует герменевтические и полемические приемы Тредиаковского, то это, вернее всего, и есть Тредиаковский. Ломоносов его опознал, потому что он не старался остаться неузнанным. Маловероятно, что, подписавшись Зубницким, выставив на памфлете обратный адрес «Из Колмогор», оставив «кор-

поративные» наскоки о годовом окладе, поиске серебра в рудах и расходах казны на стекло и «мозаик», вступив в спор о множественности миров, различении «бород и бород» и т.д., все вышеперечисленное, – ТрEDIAКОВСКИЙ сделал это, чтобы хорошенько спрятаться. Он давно почувствовал, что его выдавливают из Академии (этот процесс завершится в 1759 г.), а после доноса ему нечего было терять и ничего не оставалось, как продолжить сблизиться с архиереями, защищать их и подавать протесты в Синод.

Письмо П Зубницкого: реинтерпретация

П.Н. Берков по привычке видеть описки во всем, что не укладывается в его трактовки («Мамонов» у него «Ломоносов», «Сукин» – Собакин и т.д.), объявил, что фамилия ломоносовского ученика Н. Поповского в заголовок «Писма к профессорам Миллеру и Поповскому» [Перетц, 1911, с. 96] с просьбою опубликовать памфлеты в «Ежемесячных сочинениях» вкралась ошибкой, и «профессор Поповский» следует читать «академик Н.И. Попов», поскольку Поповский, в отличие от Попова, не принимал участия в редактировании академического журнала [Берков, 1936, с. 220]; эта версия принята в ПСС как разумная [Ломоносов, 1959, т. 8, с. 1080].

Астроном Н.И. Попов тут ни при чем. ТрEDIAКОВСКИЙ и не рассчитывал, что переполненный инвективами ответ на рукописный текст будет напечатан, эта просьба такая же саркастическая, как и просьба Ломоносову «прибавить» что-нибудь в «Имн пьяной голове» и отнести его сочинителю «Гимна бороде», чтобы тот «отстал» от «худых своих поступок». Письмо адресовалось не тем, кто ему поможет, а тем, кто точно не будет: Миллеру, который наложил запрет на печатание его сочинений, и Поповскому, который был человеком Ломоносова, ловил каждое его слово и публично хвалил так, что самому Ломоносову становилось неловко. ТрEDIAКОВСКИЙ раньше видел в нем ломоносовского выкорыща, повторяющего его ошибки¹, после того как Синод отцензурировал «Опыт о человеке», он мог стать врагом.

---

¹ Когда ТрEDIAКОВСКОМУ дают на рецензию стихи Поповского, 22 декабря 1753 г. он находит 15 ошибок в его «ямбических гекзаметрах» и отклоняет, пока тот их не поправит, с примечанием, что «сей погрешности не студент Поповский

26 апреля 1755 г. в день открытия Московского университета Поповский прочел лекцию, отстаивая ломоносовскую идею преподавания на русском языке, а не на латыни. Ломоносов своею рукою поправил текст, рекомендовал к печати в «Ежемесячных сочинениях», и он вышел в августовском номере («Речь, говоренная в начатии философских лекций при Московском университете гимназии ректором Николаем Поповским») – том самом, из которого Миллер выбросил уже набранный трактат Тредиаковского: он пожалуется в конференцию 15 ноября, что трактату «надлежало иметь место в месяце августе, и донныне не является» [Пекарский, 1873, т. 2, с. 195]. Адресуя письмо Миллеру и Поповскому, он, помимо прочего, припоминает это обстоятельство.

С 1911 г. тексты Зубницкого резали без наркоза, кажется, только немецкий славист Вильгельм Брайтчу последовал Пекарскому и признал авторство Тредиаковского, «принявшего участие в раскритикованных “бородах”» [Breitschuh, 1979, S. 20], и немного самостоятельности проявили Ю.Я. Коган [Коган, 1962, с. 72] и С.В. Савкин [Савкин, 2004, с. 97]. Другие вопросом не занимались, отсылая к статье Перетца, где он якобы убедительно решен [Шишкин, 1989, с. 473; Успенский, 2008, с. 494]. Предложенная С. Илизаровым кандидатура Полетики хороша тем, что он младше, связан одновременно и с Академией, и с Синодом; ее можно будет вспомнить, когда придется устанавливать сочинителей других антиломоносовских сатир времен «Гимна бороде», не атрибутированных и даже не опубликованных. Поскольку атетеза «Имна» не имела оснований, точнее, основания для нее были сфальсифицированы, дальнейший перебор альтернативных авторов лишен смысла.

Мораль

Донос Тредиаковского 1755 г. и доклад Синода 1756 г. вызвали цепную реакцию, ни Тредиаковскому, ни Синоду неподкон-

---

есть причиной, но учивший его сложению стихов Гдн Советник и Профессор Ломоносов, у котораго такой порок в гекзаметрах очень часто находится [*так!*]: да и вплеся он быть тому учителем как в противность Академическому регламенту, так и мне в незаслуженное предосуждение...» [Материалы для биографии..., 1865, с. 247].

трольную. Православный бюрократический аппарат был устроен так, что расположения главы Синода автору не доставало: любой справщик мог пересвериться с Библией, исполнить функцию инквизитора и найти поддержку на этажах, стремящихся к автономии. Когда Третьяковский, заручившись очередным благословением, отправит в московскую Синодальную типографию «Псалтирь» и «Феоптию» печатать «церковным типом, как по всему духовные» [Пекарский, 1873, т. 2, с. 203], товарищ директора А.И. Пельский 1 мая 1757 г. составит «Выписку о сумнительствах в “Феоптии” находящихся». Опубликовавший ее М. Погодин предположил, что на Пельского «неприятно подействовало» письмо автора со «строгими грамматическими наставлениями» [О «Феоптии»..., 1851, с. 544], П. Пекарский объяснил эзотерически, что «судьбе не угодно было, чтобы Псалтирь и Феоптис Третьяковского были напечатаны» [Пекарский, 1873, т. 2, с. 204], В. Брайтчу нашел мощные влияния на «Феоптию» новейших философов, включая Поупа, Фенелона и Фонтенеля [Breitschuh, 1979, S. 22–417], но дело, конечно, в эффекте бумеранга. Чем еще объяснить, что в документе, подписанном Пельским и типографским справщиком Григорием Кондаковым, отмечены два «космографических» фрагмента, «противных Священному писанию». После Пельского, получившего 14 декабря 1758 г. «репреманд» за самостоятельность от синодских покровителей Третьяковского, новую порцию ереси отыщет архимандрит Иоанникий (Иван Павлуцкий). Яма, вырытая Третьяковским Сумарокову, разверзлась и погребла «Феоптию» и «Псалтирь». Эксгумированы они будут только в XX в.

Список литературы

Источники

1. [Девичья игрушка. В IV частях. Из архива помещиков Молоствовых] // ОРИК НБ КФУ. Д. 2383. – (В тексте – *Мол.*)
2. Доклад Святейшого Синода Императрице Елисавете Петровне о книгах, противных вере и нравственности // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. – 1867. – Кн. 1 : Генварь – март, [раздел] 5 : Смесь. – С. 7–8.
3. Извет В.К. Третьяковского на А.П. Сумарокова / [публ. М. Погодина] // Москвитянин. – 1856. – Т. 4, № 13/16 [раздел «Смесь»]. – С. 271–276.

К биографии Ломоносова. Кто был «Христофор Зубницкий»?

---

4. Краткое описание жизни и ученых трудов, сочинителя сей трагедии // Деидамия. Трагедия, покойным надворным советником и Императорской Санктпетербургской Академии наук красноречия профессором Васильем Кириловичем Тредиаковским, сочиненная в 1750 году. – Москва : [Типография Государственной военной коллегии], 1775. – С. <5–14, нenum.>
5. *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений : в 11 т. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950–1983.
6. Материалы для биографии Ломоносова / собраны экстраординарным академиком [П.С.] Билиарским. – Санкт-Петербург : в Тип. Имп. Академии наук, 1865. – 820 с.
7. Неизданные стихи Ломоносова и Дмитрия Сеченова [«Гимн бороде»; «Переодетая борода или гимн пьяной голове»; «Возражение Ломоносова»; «Ода Трисотину»] // Рукою Пушкина : несобранные и неопубликованные тексты. – Москва ; Ленинград : Academia, 1935. – С. 563–579.
8. Немецкия стихи на Ломоносова [сообщ. и расшифровка М.П. Погодина, вступ. заметка и пер. П. Бартенева] // Русский архив. – 1865. – № 1. – Стлб. 88–89.
9. О «Феоптии» В.К. Тредиаковского / [публ. М. Погодина] // Москвитянин. – 1851. – № 19, 20, октябрь, кн. 1/2. – С. 536–552.
10. Просьба Тредьяковского в Сенат / [сообщил П.И. Иванов] // Москвитянин. – 1851. – Часть 4, № 11, июнь, кн. 1. – С. 227–236.
11. Разныя стиходействии // ОРПК Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федер. ун-та. Д. 4542 (1770-е годы). – (В тексте – РС).
12. Сборник [«Из книг Кирилы Алексеевича Пешкова»] // НИОР БАН. Собрание рукописей Н.В. Тимофеева. № 37 (1750–1770 гг.). – (В тексте – Тим.).
13. Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке / издал А. Куник. – Санкт-Петербург : в Тип. Имп. Акад. наук, 1865. – Ч. 1/2. – 530 с. – Нумерация сквозная.
14. [Тредиаковский В.] О Мозаике // Трудолюбивая пчела. – В Санктпетербурге, при Императорской Академии наук, 1759 года. – Июнь. – С. 353–360. – Подписано: «В.Т.».
15. [Чулков М.Д.] Словарь русских [так!] суеверий. – В Санктпетербурге, печатано в вольной типографии у Шнора, 1782. – [10], 271, [1] с.
16. [Gärtner K. Chr.] Der Autor. Stück 3 // Belustigungen des Verstandes und Witzes. Auf das Jahr 1743, Leipzig, Weinmonat. S. 300–315.
17. De Lucernis Antiquorum reconditis. Libb. Sex <...> Autore Fortunio Liceto Genvense. – Utini, ex Typographia Nicolai Schiratti, 1652. – 1280 col. + 28 p.
18. [Dubos J.-B.] Reflexions critiques sur la poesie et sur la peinture. – A Paris : Chez Jean Mariette, 1719. – Pt. 1. – 692 p.
19. [Rollin Ch.] Histoire ancienne des egyptiens, des carthaginois, des assyriens des Babylo niens, des Medes et des Perses, des Macedoniens, des Grecs / par M. Rollin. – A Amsterdam : J. Wetstein et G. Smith, 1737. – Т. 11, pt. 1. – XII+336 p.

Исследования

1. *Аникин А.Е.* Опыт словаря лексических балтизмов в русском языке. – Новосибирск : Наука, 2005. – 394 с.
2. *Артемьев А.И.* Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Императорского Казанского университета, составленное А.И. Артемьевым // Летопись занятий Археографической комиссии [так!]. 1876–1877 гг. – Санкт-Петербург : Тип. брат. Пантелеевых, 1884. – Вып. 7, отд. 3. – С. 1–366.
3. *Барсов Т.В.* О духовной цензуре в России // Христианское чтение. – 1901. – № 7. – С. 108–130.
4. *Берков П.Н.* Ломоносов и литературная полемика его времени : 1750–1765. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1936. – 324 с.
5. *Берков П.Н.* Шесть писем А.П. Сумарокова к историографу Г.-Ф. Миллеру (1767–1769) и четыре записки последнего к Сумарокову // XVIII век. Сб. 5 / отв. ред. П.Н. Берков. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1962. – С. 376–382.
6. *Воробьев А.М.* Религиозная цензура во второй и третьей четвертях XVIII в. // Культура и цивилизация. – 2017. – Т. 7, № 4А. – С. 597–605.
7. *Гречаная Е.П.* У истоков русской литературы на французском языке: В.К. Тредиаковский // Гречаная Е.П. Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке (XVIII – первая половина XIX века). – Москва : ИМЛИ РАН, 2010. – С. 26–78.
8. *Западов А.В.* Отец русской поэзии : о творчестве Ломоносова. – Москва : Советский писатель, 1961. – 284 с.
9. *Западов А.В.* Поэты XVIII века : М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин : лит. очерки. – Москва : Изд-во Московского ун-та, 1979. – 312 с.
10. *Ивинский Д.П.* Ломоносов в русской культуре. – [Б. м.] : Издательские решения, 2015. – 172 с.
11. *Илизаров С.С.* М.В. Ломоносов в документах и материалах Российского государственного архива древних актов // Новое о Ломоносове. К 300-летию со дня рождения / РАН, Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова ; сост., отв. ред. С.С. Илизаров. – Москва : Янус-К, 2011. – С. 81–143.
12. *Коган Ю.Я.* М.В. Ломоносов и религия // Вопросы истории религии и атеизма. – Москва : Изд-во АН СССР, 1962. – Вып. 10. – С. 45–75.
13. *Лаучюте Ю.А.* Словарь балтизмов в славянских языках / АН СССР, Ин-т языкознания. – Ленинград : Наука, 1982. – 210 с.
14. *Лизанец П.Н.* Венгерские заимствования в украинских говорах Закарпатья: венгерско-украинские межъязыковые связи. – Будапешт : Akadémiai Kiadó, 1976. – 683 с.
15. *Лотман Ю.М.* Об «Оде, выбранной из Иова» Ломоносова // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. – Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 1996. – С. 266–278.
16. *Малеин А.И.* Новые данные для биографии В.К. Тредиаковского // Статьи по славянской филологии и русской словесности : сб. ст. в честь акад. А.И. Со-

К биографии Ломоносова. Кто был «Христофор Зубницкий»?

- болевого. – Ленинград : Академия наук, 1928. – С. 430–432. – (Сб. ОРС; т. С1, № 3).
17. *Мартьянов И.Ф.* К вопросу о русском книжном репертуаре второй половины XVIII в. (проблема сосуществования и взаимодействия печатной и рукописной светской книги) // *Рукописная и печатная книга / АН СССР, Науч. совет по ист. мир. культуры.* – Москва : Наука, 1975. – С. 193–205.
18. *Морозов А.А.* Примечания. Сатира господина Ломоносова на Тредиаковского // *Ломоносов М.В. Избранные произведения.* – Ленинград : Советский писатель, 1986. – С. 534–535. – (Библиотека поэта ; Большая серия).
19. *Мызников С.А.* Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. – Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2019. – 1076 с.
20. Описание Рукописного отдела Библиотеки АН СССР. – Ленинград : Наука, 1980. – Т. 4, вып. 2 : Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения XVII – первая треть XIX в. / сост. И.Ф. Мартьянов. – 352 с.
21. *Пекарский П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. – Санкт-Петербург : Изд. Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1873. – Т. 2. – 1042 с.
22. *Пекарский П.* Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755–1764 годов. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. Академии наук, 1867. – 88 с. – (Приложение к XII тому Записок Императорской Академии наук ; № 5).
23. *Перетц В.Н.* К биографии Ломоносова : (Кто был «Христофор Зубницкий»?) // *Ломоносовский сборник. 1711–1911.* – Санкт-Петербург : Имп. Акад. наук, 1911. – С. 85–103.
24. *Петров Н.И.* Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве. – Москва : Университетская типография, 1891. – Вып. 1. – 307, LVIII с.
25. *Пономарев С.И.* Материалы для библиографии литературы о Ломоносове. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. Наук, 1872. – 108 с. – (Сб. Отд. рус. яз. и словесности РАН ; т. 8, № 2).
26. *Радовский М.И.* Антиох Кантемир и Петербургская Академия наук. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1959. – 115 с.
27. *Савкин С.В.* Ломоносов и Тредиаковский: к вопросу о взаимоотношениях // *Материалы научно-практической конференции «Литература. Культура. Язык», 3 июля 2004 г.* : сб. ст. и тезисов. – Ливны : [б. изд.], 2004. – С. 93–100.
28. *Серман И.З.* Два опыта комментирования // *Новые безделки : сб. ст. к 60-летию В.Э. Вацура.* – Москва : НЛО, 1995–1996. – С. 411–414.
29. *Словарь русских народных говоров.* – Москва ; Ленинград : Наука, 2002. – Вып. 13 : Калун – Кобза / сост. Н.И. Андреева-Васина и др. – 358 с.
30. *Сухомлинов М.И.* Объяснительные примечания, варианты и приложения // *Сочинения М.В. Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М.И. Сухомлинова.* – Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1893. – Т. 2. – С. 1–418.

31. *Тарановский К.* К вопросу об авторстве «Имна пьяной голове» // Издање Извршног одбора III Међународног конгреса слависта. – Београд, 1939. – № 2. – С. 148–150.
32. *Успенский Б.А.* Вокруг Третьяковского : труды по истории русского языка и русской культуры. – Москва : Индрик, 2008. – 608 с.
33. *Шишкин А.Б.* Документы Архива Синода о книгах В.К. Третьяковского ; Судьба «Псалтири» Третьяковского // Vasilij Kirillovic Tredjakovskij, Psalter 1753 / Besorgt und kommentiert von Alexander Levitsky ; hrsg. von Reinhold Olesch und Hans Rothe. – Erstausg ; Paderborn ; München ; Wien ; Zürich : Schöningh, 1989. – S. 471–517, 519–535. – (Russische Psalmenübertragungen. Biblia Slavica: Ser. 3, Ostslavische Bibeln ; Bd. 4).
34. *Breitschuh W.* Die Feoptija V.K. Tredjakovskijs. Ein physikotheologisches Lehrgedicht im Russland des 18. Jahrhunderts. – München : Verlag Otto Sagner, 1979. – 523 S.
35. *Harer K.* Lomonosov und Stählin: Zur Textgeschichte von Jacob Stählins «Fragments anecdotes» // Zeitschrift für Slavische Philologie. – 2002. – Vol. 61, N 1. – S. 41–87.
36. *Keipert H.* Pope, Popovskij und die Popen: Zur Entstehungsgeschichte der russischen Übersetzung des «Essay on Man» von 1757. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2001. – 94, [2] S. – (Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, Philologisch-Historische Klasse ; Folge 3, Bd. 241).
37. *Reinach S.* Elephas // Dictionnaire des antiquités grecques et romaines d'après les textes et les monuments / sous la direction de MM. Ch[arles Victor] Daremberg et Edm[ond] Saglio. – Paris : Librairie Hachette et C., 1892. – T. 2 : (D–E). – P. 536–544.